

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ИТАЛИЙСКИХ ВИЛЛ В СВЕТЕ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ II В. ДО Н. Э.*

Предлагается новый взгляд на аграрный вопрос в Италии во II в. до н. э. Рассматриваются вопросы компетентности хозяев рабовладельческих вилл в сельскохозяйственной деятельности, характеризуются формы и способы взаимодействия с мелким землевладением, а также участие хозяев вилл в жизни сельской общины. Изучаются представления о труде земледельца в зажиточных кругах италийского общества.

Ключевые слова: рабовладельческая вилла, аграрный вопрос, сельская италийская община, разорение мелких землевладельцев.

До 70-х гг. XX в. в западном антиковедении господствовала «традиционная» модель социально-экономического развития древней Италии. Эта модель, основанная в первую очередь на данных литературной традиции, предполагала следующее: Италия во II в. до н. э. вышла на тот этап развития, когда товарно-денежные отношения начали играть в обществе решающую роль; рабовладельческая вилла, рассматриваемая как ориентированное прежде всего на рынок предприятие, быстро и в широких масштабах вытеснила малые традиционные хозяйства, что привело к резкому демографическому спаду.

С появлением новых археологических данных традиционная модель подверглась критике. Было обнаружено значительное количество небольших хозяйств [Frideriksen,

1971]. Это позволило утверждать, что массового разорения мелких землевладельцев на самом деле не было, а материальное положение сельского плебса было достаточно благополучным [Ibid. P. 341].

В поиске новых объяснений дискуссия со временем перешла в основном в «демографическую» плоскость. Предметом размышлений стали, прежде всего, данные римских цензов, которые донесла до нас литературная традиция. Однако эти количественные данные, с одной стороны, не могут считаться достаточно достоверными, а с другой – допускают множество истолкований, что часто приводит современных авторов к прямо противоположным выводам¹.

Следует заметить, что даже если бы вопрос о демографии удалось решить, это не дало бы автоматически ключ к абсолютному

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (соглашение № 14.В37.21.0960).

¹ В первую очередь непонятно, какие возрастные, социальные, а порой и гендерные группы населения включались в тот или иной ценз. Ныне большинство точек зрения на демографическое развитие Италии находятся в рамках двух конкурирующих моделей: «многочисленной» («high count») и «малочисленной» («low count»). Сторонники первой (см., например: [Lo Cascio, 2008; Kron, 2008; Ligt, 2004]), полагая «старую» модель совершенно опровергнутой, стараются обосновать высокую численность населения Италии, выстраивая довольно сложные гипотетические подсчеты. Вторые (см., например: [Scheidel, 2008]), преимущественно теми же методами, стремятся защитить классическую модель. Общей чертой и для тех и для других является априорное и, как кажется, не вполне правомерное признание прямой зависимости количества населения от качества жизни. И для тех и для других характерно вольное толкование данных республиканских и имперских цензов.

пониманию социальных и экономических процессов². Хотя новейшие идеи о демографическом развитии Италии ни в коем случае нельзя игнорировать, более продуктивным представляется содержательно изменить подход. Для этого необходимо внимательно взглянуть на то, *что* и, главное, *как* в традиционной концепции подвергается сомнению.

Наиболее резко критикуется положение о вытеснении мелких владений крупными. Именно на это, казалось бы, указывают археологические данные. Проблема в том, что современные западные исследователи в качестве подтверждения масштабного обезземеливания готовы, видимо, принять только такую картину, данную археологией, в которой почти все территории были бы заняты крупными земельными владениями, а небольшим участкам либо вообще не было бы места, либо их было бы некое минимальное количество. Вывод о том, что обезземеливания не было, делается на основании факта *существования* виллы и небольшого хозяйства [Gaultieri, 2008. P. 407]. По сути, такой подход является зеркальным отражением традиционных взглядов, в основе которых лежат достаточно эмоциональные сообщения литературных источников о чудовищном разорении рядового земледельца [Plut., T. Gracch. 8–9]³. По сути, перед нами две крайности: в первом случае – полное доверие к литературной традиции, во втором – полное ее отрицание.

С одной стороны, гиперболизированное описание несчастий и потрясений (равно как побед и успехов) в принципе характерно для античной литературы на протяжении всей ее истории, а если учитывать, что в сообщении включены фрагменты речей самого Тиберия Гракха [Plut., T. Gracch. 9], то элемент преувеличения может объясняться, помимо прочего, спецификой политической риторики того времени. Это, однако, отнюдь

не означает, что данные описания никак не связаны с исторической реальностью. С другой стороны, если сообщения античных авторов (особенно там, где они восходят к документам исследуемой эпохи) все-таки отражают реальные изменения, происходившие в италийском обществе во II в. до н. э., то можно сказать, что эти изменения, не будучи абсолютными, производили глубокое впечатление на современников, что говорит об их значимости для своего времени.

Учитывая изложенное, на упомянутый факт сосуществования виллы и мелкого земледельческого хозяйства можно взглянуть иначе. На данный момент нам достоверно известно, что виллы получили распространение именно во II в. до н. э. Например, на плане, демонстрирующем результаты археологических раскопок на Ager Veienatus (см. рисунок)⁴, они представлены достаточно широко. На этом плане отмечены не участки, а хозяйственные комплексы. Это, однако, несколько не должно нас смущать. При определении статуса хозяйственного комплекса (и размеров «сопровождавшей» его территории) археологи исходят из ряда признаков, таких как объемы хозяйственных помещений, площадь разброса археологических находок и т. п.⁵

Действительно, размеры усадьбы, как правило, соответствовали размерам имения. Это подтверждает Катон: «Ita aedifices, ne villa fundum quaerat nec fundus villam» [Cato, De agr., III, 1]. О том же говорит Варрон [Var., De r. r., I, 11, 1].

Исходя из этого мы можем с уверенностью утверждать, что большинству отмеченных на плане вилл соответствует достаточно крупные земельные участки.

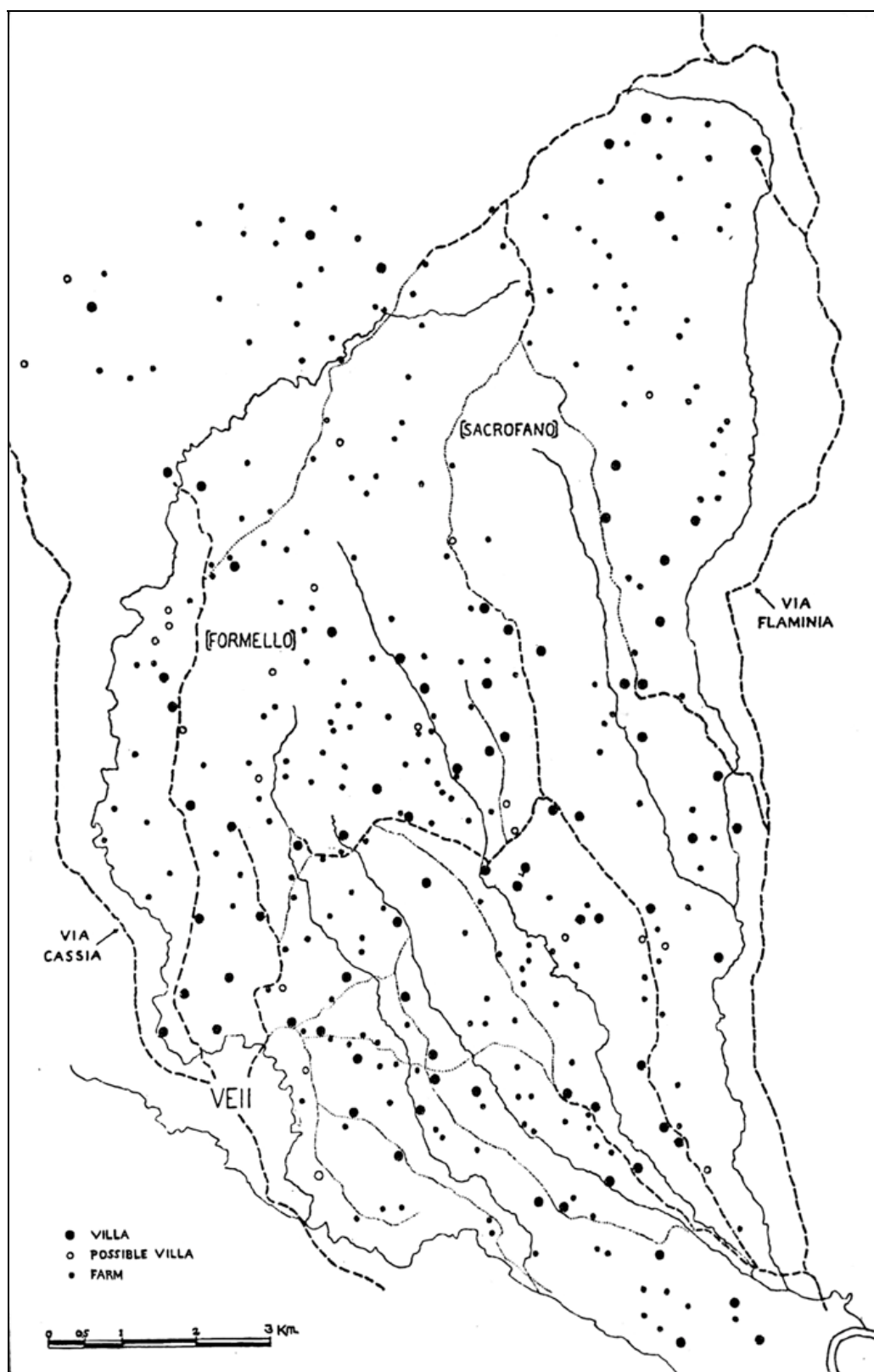
Соседство вилл и мелких хозяйств не говорит, однако, о том, что их сосуществова-

² Например, возможный демографический рост совсем не обязательно рассматривать как показатель благополучия мелкого и среднего землевладения (а следовательно, и как полное опровержение традиционных взглядов), напротив, в нем можно видеть одну из потенциальных причин обезземеливания. Подобную мысль высказывает нидерландская исследовательница С. Розелаар [Roselaar, 2010. P. 5].

³ См.: Plutarch. Tiberius Gracchus / Ed. by B. Perrin. Medford, 2008. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a2008.01.0127> (дата обращения 10.02.2010).

⁴ Выбран план Ager Veienatus (по Фридериксену), так как именно для этой местности датировки археологических объектов (на основе типологии чернолаковой керамики) наиболее надежны (большинство объектов относятся ко II в. до н. э.). Вообще, аргументы современных критиков традиционной модели часто основаны на археологических материалах, не имеющих однозначных датировок (хотя сам М. Фридериксен в этом смысле безупречен). На эту проблему совершенно справедливо указал Р. Витчер [Witcher, 2008].

⁵ Разбору такого рода критериев посвящено, например, несколько подробных страниц в статье Д. Ратбона [Rathbone, 2008].

Расположение vill и мелких хозяйств на северо-востоке Ager Veientanus, по Фридериксену [Frideriksen, 1971. P. 343]. Большими кружками отмечены villы, малыми – мелкие хозяйства, сплошными линиями обозначены реки, пунктиром – дороги

ние было совершенно простым и безоблачным (хоть Катон и рекомендует «быть хорошим» по отношению к соседям [Cato, De agr., IV]). Для начала следует заметить, что вилл на плане не так уж мало. Обратим внимание на расположение вилл. Они находятся в основном вблизи рек и дорог, т. е. с хозяйственной точки зрения в самых выгодных местах. В той части, где дорог и рек больше, и они создают большое число пересечений, соответственно больше и вилл. Размещение большинства вилл здесь прямо соответствует тем рекомендациям, которые были даны Катон⁶ и Варроном [Var., De r. r. I, 16, 2; 16, 6]⁷.

Уже в силу своего «стратегического» расположения, они давят на своих соседей – малые хозяйства, которые в большинстве своем расположены в удалении от наиболее важных объектов. Малые дороги, показанные на карте (понятно, что не все они были обнаружены в ходе раскопок), судя по всему, проходили по территории имений и контролировались владельцами вилл. Например, на территории имения Катона были такие дороги: «itinere, actu domini usioni recipitur» [Cato, De agr., CXLIX, 2]. Такого рода дороги служили в первую очередь для прогона скота. Закон 111 г. до н. э. упоминает о подобных тропах и дорогах, как об общественных [Lex agr., 26]⁸. Скотопрогонные тропы как «publicae» отмечает и Варрон [Var., De r. r., II, 2, 9]. Вообще, прилагательное «publicus» означает принадлежность к общине, отнюдь не обязательно Риму, даже если в конечном счете описываемые местные отношения владения и пользования существовали на земле римского народа⁹. Следует также отметить, что

⁶ «bonumque aquarium, oppidum validum prope siet; aut mare aut amnis, qua naves ambulant, aut via bona celerisque» [Cato, De agr. I, 3].

⁷ Близлежащая дорога не только способствует ввозу в имение и вывозу из него, но и открывает перед землевладельцем прочие источники обогащения. Так, тот же Варрон рекомендует открыть придорожное заведение для путников, которое может быть, по его суждению, весьма и весьма доходным предприятием [Var., I, 2, 23].

⁸ По изданию: [Аграрный закон..., 2006а; 2006б].

⁹ Это, среди прочего, подтверждает и анализ Решения Минуциев. Из его текста ясно, что общественная земля понимается как таковая в отнесении к кастеллу Витуриев [CIL, V, 7749, 13; 29] [Corpus..., 1977]. Еще более важно, что если бы Минуции употребляли данный термин исключительно в смысле «общественная земля римского народа», то весьма

автор закона 111 г. до н. э., когда речь идет о собственности римского народа, отдельно это оговаривает («*populi Romani*») [Lex agr., 1; 3; 4; 6; 11; 13; 15; 16; 19; 20; 21; 22; 25]¹⁰. Конкретно для троп и дорог такого уточнения нет¹¹. Понятно, что осуществлять контроль над всеми «*calles*» в Италии Рим не мог. Важно отметить, что речь у Варрона идет не об одной дороге, а о множестве троп, по которым последовательно (от одной общины к другой) проходили стада от летних пастбищ к зимним¹². Таким образом, единственно верным может быть вывод, что речь идет (и в законе 111 г. до н. э., и у Варрона) о контроле местных общин над местными же путями передвижения скота.

Также из закона следует, что за прогон скота взималась плата вплоть до запрещения такого рода практики самим Lex agraria. Во всяком случае, ясно, что плата за прогон была обычным явлением. Если дорога проходила по *ager privatus*, то понятно, что деньги должны были отдаваться непосредственно хозяину земли.

В случае же с дорогами общин, закон 111 г. до н. э. свидетельствует [Lex agr., 26]¹³, что плата взималась, среди прочего, в пользу откупщиков. Ясно, что крупные римские публиканы, «работавшие» на уровне взимания налогов с целых провинций, не могли откупать у каждой местной общины право на взимание платы за прогон через многочисленные тропы и короткие отрезки дорог, а тем более их контролировать¹⁴.

сомнительно было бы и противопоставление ей *ager privatus*, так как, в принципе, вся земля в провинции так или иначе принадлежала римскому народу. Кроме того, статус *ager publicus* в документе является условным – *iudicamus* [CIL, V, 7749, 24].

¹⁰ В том числе по конъектурам.

¹¹ Хотя, повторяем, будучи *publicae* некой местной общины, они могли при этом одновременно находиться на *ager publicus populi Romani* и быть собственностью Рима. В этом смысле нет противоречия с тем, что в законе 111 г. до н. э. выше говорится об общественном поле римского народа [Lex agr., 25–26].

¹² «*calles publicae*» – «общественные тропы» [Var., De r. r., II, 2, 9].

¹³ «*nequid populo [n]eive publicano d[are debeto]*». Под «*populus*» здесь, соответственно, могут пониматься только общины (как римские, так и местные).

¹⁴ Л. Л. Кофанов связывает процедуру откупа с манципацией, где манцепс выступал перед государством представителем объединения откупщиков, являвшихся римскими гражданами [2006. С. 49–50]. Однако он говорит исключительно о государственных контрактах, заключаемых римскими публиканами с римским народом. В случае же заключения подобного

Выгоднее всего занимать эту нишу было местным зажиточным людям, членам тех же общин, в первую очередь тем, чьи усадьбы и участки непосредственно примыкали к таким путям. Этими откупщиками, вероятно, и являлись местные владельцы вилл. У них, таким образом, существовали реальные рычаги экономического давления на своих менее богатых и занимающих менее выгодное положение соседей. О том, насколько большое значение придавалось владельцами вилл этим путям, говорит то, что, даже сдавая в аренду земли, по которым они проходили, Катон оставлял дороги и тропинки себе [Cato, De agr., CXLIX, 2]. Уже в силу изложенного нельзя говорить о совершенно мирном сосуществовании виллы и мелкого хозяйства. Все тот же Катон в конфликтных ситуациях не стесняется захватывать в залог чужое имущество [Cato, De agr., CXLIX, 2; CL, 2].

Законодательные источники говорят нам о том, что нередко земля была предметом отъема [Lex agr., 10], причем с применением силы [Lex agr., 18]. Отъем мог осуществляться посредством некоего должностного лица [Lex agr., 10]¹⁵, но это говорит только о механизме отъема. Силы, препятствующие функционированию малого хозяйства, до известной степени безлики. Законодатель вряд ли мог в терминах своей эпохи четко назвать ту социальную группу, которая являлась бы врагом мелких землевладельцев.

В поиске упоминаемых Аппианом «богатых», разоряющих «на земле» бедняков, можно обратить взгляд на всадников. После II Пунической войны число всадников росло. Об этом говорит увеличение числа всаднических центурий. Действительно, они становятся все более серьезной силой, привлечение которой на свою сторону теперь важно для всякого серьезного политика. Принадлежность к всадничеству означала в первую очередь богатство. В сущности – это

определенный (и весьма высокий) уровень благосостояния.

Постараемся определить, из каких источников пополнялась данная категория населения. Следует учесть, что город и село неразрывно связаны (торговля в городах – это, во многом, торговля сельскохозяйственной продукцией), а если речь шла не о самых крупных городах, то сходств в хозяйственной деятельности города и села могло быть немало. Марк Порций Катон, сам представитель всаднического сословия, описывал в своем «De agricultura» поместья разного типа, в большей или меньшей степени, но связанные с городом. Об абсолютном единстве среды мы говорить, разумеется, не можем, однако и для живущего в городе состоятельного человека наличие поместий представляется важным. Захват земель после опустошений II Пунической войны представлял собой отнюдь не приход богатых из городов. У Аппиана, между прочим, прослеживается, что «богатые» захватывали *новые* земли, в то время, как у них имелись и старые [App., BC, 1, 7]¹⁶.

В итоге сельская среда являлась основой формирования всех слоев италийского общества. Катон считает хозяина поместья земледельцем, возводя его деятельность к занятиям предков [Cato, De agr., Praef]. Варрон не единожды называет «земледельцами» тех, к кому обращен его трактат [Var., De r. r., I, 4, 1; I, 15; I, 20, 5]. Говоря об изучении хозяйственных отраслей, которые касаются либо «ad pastorem», либо «ad agricolam» [Var., De r. r., I, 2, 13], он подразумевает владельцев вилл. Тут же он рассуждает о древних пастухах и земледельцах, подразумевая преемственность [Var., De r. r., I, 2, 16]. В предисловии ко второй книге утверждается, что хозяин имения также должен выступать как «colonus» и как «pastor» [Var., De r. r., II, Praef., 5]. Иначе говоря, даже в I в. до н. э. богатые землевладельцы продолжали считать себя в известной мере «земледельцами» и «пастухами», прямыми наследниками предков. Память о среде происхождения была свежа. Владельцы вилл I в. до н. э. могут быть «periti agricolae» –

контракта с иной (в том числе с сельской) италийской общиной, процедура должна была быть гораздо проще (и тем более, если откупщиком был не римлянин, который не должен был осуществлять манципацию в обязательном порядке).

¹⁵ «[neive pro magistratu inpe]iove sententiam deicito» – «пусть никто по должности или по империи не высказывает суждений» (перевод мой. – А. Т.). Интересно сравнить с «pro inperio prove potestate... ablatum, captum, coactum, conciliatum aversumve siet» (Lex Acilia repet., 3) [Мякин, 2006].

¹⁶ Appian. The Civil Wars / Ed. by L. Mendelssohn. Medford, 1999. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0231> (дата обращения 10.02.2010).

опытными земледельцами [Var., De r. r., I, 61].

В речи в защиту Секста Росция Америна от 80 г. до н. э. Цицерон выдвигает целую концепцию достоинства земледельца, а также почетности и благородства его труда. Земледельцем и сельским жителем – «agricola et rusticus» [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino], он именуется человека, принадлежавшего к более чем обеспеченной семье. Отец Секста Росция обладал состоянием, которое оценивалось в шесть миллионов сестерциев [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino, 6]. Кроме того, Секст Росций Старший указывается Цицероном как весьма значительная фигура по родовитости, знатности и богатству даже за пределами муниципия [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino, 15]. Это человек, связи которого простирались вплоть до тесного общения с наиболее знатными и могущественными родами Рима, такими как Метеллы, Сервилиии и Сципионы¹⁷.

При этом Секст Росций Младший жил в сельской местности и занимался тем, что Цицерон называл «возделыванием в поле» – («in agro colendo vixerit») [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino, 39]. Понятно, что отец поручал сыну заниматься управлением своими поместьями, об этом прямо говорит Цицерон [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino, 43]. Однако, как видим, эта деятельность все-таки рассматривается именно как труд земледельца. Для обозначения такой деятельности Цицерон неоднократно использует именно глагол «colere»¹⁸ – «возделывать», т. е. речь идет о хорошем знании сельского хозяйства и близости хозяина к земле. Мы видим, что и в I в. до н. э. хозяйственная деятельность в сельской местности, даже представлявшая собой управление имением, в сознании римлян и италийцев вообще (в том числе элиты) не была четко отделена от непосредственного возделывания земли.

Занятие Росция Младшего именуется «мастерством» и «профессией» – «artificium... et studium» [Cic. Pro Sex. Roscio Amerino, 49]. Цицерон, высмеивая обвинителя, назвавшего жизнь в деревне наказани-

ем, подчеркивает почетность и благородство такого образа жизни. Понятно, что здесь сталкиваются различные взгляды, вполне соответствующие беспокойному периоду конца Республики, они отражают противоречия восприятия труда земледельца, характерные для этого этапа. В то время как Эруций мерит новыми мерками (для него привлекательной, судя по тому, как оппонирует ему Цицерон, кажется городская жизнь с ее благами), Цицерон апеллирует к еще свежим в памяти и даже в жизни традициям. Возвеличивая труд земледельца и жизнь в сельской местности, он указывает на то, что они далеки от страстей и тесно связаны с сознанием долга¹⁹.

Действительно, аргументация Цицерона оказывается более весомой, чем его противника. Это обращение к знатым и влиятельным судьям-сенаторам нашло отклик и среди них. По словам оратора, многие желают воспитать своих сыновей домовитыми земледельцами, и он готов назвать таковых и из своей трибы и даже из своей «vicinia» (т. е. даже из более узкого круга) [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino, 47]. В конце концов, Цицерон обращается к примерам древности, напоминая, что некогда в консулы, в высшие магистраты, люди призывались прямо «от сохи» [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino, 50].

Таким образом, даже в обеспеченных и влиятельных семьях земледелие отнюдь не считалось чем-то зазорным, а, напротив, представлялось достойным занятием для человека высокого статуса. Зажиточные и даже высшие слои прекрасно помнили свое (порой недавнее) происхождение из сельской среды.

Сам Цицерон, получивший в наследство небольшое арпинское поместье, указывает, что его предки издревле обитали на этой земле – «meus paternus avitusque fundus Agrinas» [Cic., De leg. agr. III, 8], т. е. также недвусмысленно указывает на свое «земледельческое» происхождение.

Существует мнение, что для конца III – начала II в. до н. э. поместья «катоновского» типа, распространение которых предположительно и приводило к вытеснению с земли мелких владельцев, были новым явлением. Его придерживается и крупный

¹⁷ «Nam cum Metellis, Serviliis, Scipionibus erat ei non modo hospitium, verum etiam domesticus usus et consuetudo, quas, ut aequum est, familias honestatis amplitudinisque gratia nomino» [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino, 15].

¹⁸ См., например, также: [Cic. Pro Sex. Roscio Amerino, 49].

¹⁹ «Quae vita maxime disiuncta a cupiditate et cum officio coniuncta est» [Cic. Pro Sex., Roscio Amerino, 39].

отечественный антиковед В. И. Кузищин [1973. С. 55]. Не оспаривая этот тезис, следует обратить внимание на то, что аргументация, приводимая в его пользу В. И. Кузищиным, по логике своей смыкается с мыслью, что владельцами таких поместий становились преимущественно люди мало знакомые с сельским хозяйством (а значит, и слабо до того связанные с землей). Важнейшим доводом здесь становится подробность катонского описания виллы, ее оборудования и т. п.

Возможно, строительство виллы в определенном смысле было чем-то новым для той эпохи. Однако если речь идет о ее оборудовании, сельскохозяйственном инвентаре, то нам придется сделать вывод и о том, что Катон предназначал свой трактат для новичков в сельском хозяйстве. Надо отметить, что подобная мысль имплицитно прослеживается у Кузищина. Поместьями у него обзаводятся в первую очередь представители высших кругов римского общества – «знать», «магнаты» [1973. С. 54, 57]. Другими словами, те, кто уже не в первом поколении оторвался от земли.

В структуре катонского «Земледелия» обнаруживают свое присутствие разного рода документы, непосредственно связанные, видимо, с хозяйственной деятельностью самого автора. Таковыми, например, можно считать гл. 10 и 11.

Это попросту перечисления инвентаря. Подробность и точность, с которой они представлены (вплоть до ночного горшка [Cic., De leg. agr. III, 8], свидетельствуют не о том, что трактат предназначен для абсолютно некомпетентного хозяина-новичка, способного забыть о том, что ему нужна кровать, постель, ночной горшок и полотенце, а, скорее, о том, что перед нами описи имущества в реально существовавших имениях, принадлежавших Катону. Трудно предположить, что Катон с такой абсолютной точностью при его некоторой небрежности в подаче материала рассчитал необходимое и достаточное количество инвентаря в определенного вида хозяйстве для неопытного хозяина.

Катон не мог предвидеть всех условий какого-либо другого поместья, набор необходимого инвентаря в котором мог сильно отличаться, соответственно, он не стал писать и предполагать различные «вариации» инвентаря для различных условий, не стал

он давать и примерных цифр с «люфтом», например «волов 2–3 пары». Катон пошел другим путем: он включил в трактат имевшиеся у него две описи имущества. Отсюда и точные размеры имений²⁰.

Кроме того, если бы Катон давал типовые, рассчитанные им наборы инвентаря, то при естественном различии инструментов, скота, персонала, непосредственно связанных с производственным процессом, а значит, зависящих от специализации имения, в них *должны были бы полностью совпадать наборы вещей, предназначенных для удобства хозяина* – так сказать «стандартный джентльменский набор». Но мы такого совпадения не видим. В 10-й главе упоминаются удобства для хозяина и, видимо, его семьи – «scannum in cubiculo I, lectos loris subtentos III et lectos III» [Cato, De agr., X]. Имение же, к которому относится описанный в 11-й главе инвентарь, гораздо менее комфортабельно. Очевидно, оно посещалось Катонем намного реже и было менее обжитым²¹.

Согласно Варрону, в хорошем хозяйстве должны быть заранее заготовленные описи инвентаря и всего оборудования. Это – залог сохранности имущества [Var. De r. r. I, 22, 6]. Отсюда понятно, что такие описи отнюдь не были редкостью в сельской хозяйственной практике.

Как видим, утверждение о том, что подробность данных инвентарных наборов – следствие того, что Катон писал свой трактат, заботясь о том, чтобы снабдить малоопытного хозяина максимально полной информацией, не находит подтверждения.

²⁰ Дело не в том, что Катон считал идеальным масличный сад именно в 240 югеров либо виноградник в 100 югеров, или ему было удобно рассчитывать набор инвентаря для этих размеров. Просто у него оказались описи соответствующих имений.

²¹ В пользу того, что перед нами описи, говорит и характерное для этого «жанра» хозяйственных документов подведение общей калькуляции по важнейшей статье – рабскому персоналу: «summa homines XIII» [Cato, De agr., X], «summa homines XVI» [Cato, De agr., XI] – своеобразное «итого». Редактирование этих описей Катон, видимо, свел к тому, что добавил к каждой из них типовую фразу «quo modo... instruere oporteat». Не останавливаясь на подробном анализе, можно сказать, что, вероятно, нечто похожее имеет место с гл. 12 и 13. Возможно, для давильни была составлена отдельная опись, или же перед нами список необходимых для закупки инструментов, который Катон составил при постройке давильни.

Особое внимание привлекают гл. 18–22, описывающие достаточно сложные механизмы, необходимые в хозяйстве. Рассмотрим гл. 20–22. Они призваны помочь при постройке трапета («trapetum») – мельницы для отделения мякоти маслин от косточек. С. И. Протасова в «технических» комментариях к тексту трактата заметила, что «Катон дает не описание трапета в собственном смысле, а лишь советы хозяину, как произвести покупку, сбор и регулировку трапета наиболее практичным способом. Самое устройство трапета предполагается известным читателю» [Сергеенко, Протасова, 1950. С. 155]. Трапет – действительно сложное устройство, которое вряд ли способен построить новичок, а текст Катона изобилует техническими терминами, доступными в первую очередь человеку искушенному, именно на него он и рассчитан. Катон рассказывает о том, как лучше устроить трапет, т. е. перед нами снова разновидность *полезных советов*, теперь уже технического характера, а не исчерпывающего руководства²².

Как видим, представление о том, что сельское хозяйство было состоятельным хозяевам чуждо, не находит прямого подтверждения. Так называемые «богатые» (в том числе и всадники) продолжали на земле традицию предков, выходя из той же сельской среды (пусть и разного достатка), что и бедняки. Одним из свидетельств в пользу этого является скромность виллы, описываемой Катонем. В этом смысле мы можем говорить именно о социально-экономическом *расслоении* массы земледельческого населения Италии.

Подтверждают эту мысль и отношения владельцев вилл с местными соседскими территориальными общинами²³. В настоящее время уже нельзя сомневаться в общинном характере сельского «соседства» («vicinia»). Е. М. Штаерман замечает, что

²² Подобное можно сказать и о гл. 18–19. Подробность советов по оборудованию давилни настолько велика, что позволяет даже создать реконструкцию этого чрезвычайно сложного сооружения, но это достаточно трудоемкий процесс. Катон, опять-таки, предполагает искушенного читателя, главы переполнены техническими терминами.

²³ Э. Серени не только неопровержимо доказал существование сельской общины в Италии, но и прекрасно показал ее территориальную природу, а также высказал интересные мысли касательно ее структуры [Sereni, 1955].

Цицерон ставит обязанности, связанные с сельскими работами, по отношению к «соседям» («vicinum citius adiuveris» – «соседу скорее поможешь» [Cic., De off., I, 18]) не ниже обязанностей по отношению к ближайшим родственникам (а по сути – даже выше) [Штаерман, 1974. С. 45]. Замечание Цицерона, однако, означает еще и то, что крупный обеспеченный землевладелец еще даже в I в. до н. э. сам являлся членом сельской общины и был в значительной мере связан ее порядками. Сам Цицерон говорит об уважении к земледельческому труду и наследственности такого труда именно в своей «vicinia» [Cic., Pro Sex. Roscio Amerino, 47]. Среди рекомендаций, которые Катон дает покупателю имения [Cato, De agr., I], есть и такая: «Caveto alienam disciplinam temere contemnas»²⁴ [Cato, De agr., I, 4]. Здесь речь идет о порядках и организации местной общины, в которую с приобретением имения вступает покупатель.

В другом месте у Катона есть яркое описание взаимных обязанностей между общинниками (одним из которых является он сам) [Cato, De agr., IV]. Это: взаимовыручка в случае нужды, защита, помощь в строительстве, работе, транспорте, а также помощь строительным материалом. Здесь уместно отметить, что в случае с последним («materia») речь идет, скорее всего, о выделении из общинного фонда строительного леса, располагающегося на неразделенных полях для совместного выпаса²⁵.

Рабы Катона в обязательном порядке выполняют общественные работы – «opus publicum effecisse» [Cato, De agr., II, 2] на благо сельского сообщества²⁶. Раздоры решает местный посредник («virī boni arbitratu resolvitur» [Cato, De agr., CXLIX, 2]) – видимо, человек уважаемый в общине и вы-

²⁴ «Остерегайся беспечно нарушать незнакомый (тебе) порядок» (перевод мой. – А. Т.).

²⁵ Как следует из Решения Минуциев, агег com-parscius является общим фондом и источником строительного леса («materia») для общинников [CIL, V, 7749, 34].

²⁶ Далее, следует обратить внимание на слова Катона «quid exatum siet» («что взыскано») [Cato, De agr., II, 5]. Здесь речь идет о взимании налога, который не является четко фиксированным. Из всего этого ясно, что здесь говорится о местных «взносах», которые могли определяться текущими потребностями сельской общины. Будучи ее членом, владелец виллы платил такие взносы в общую казну.

полняющий в ней некие организаторские функции.

Таким образом, сосуществование среднего поместья и мелкого земледельческого хозяйства во II в. до н. э. не означает, что это сосуществование не несло в себе противоречий и противостояния различных хозяйственных типов. Среди полученных результатов особого внимания заслуживает то, что хозяин виллы сам являлся членом сельской общины. Как владельцы мелких участков, так и владельцы вилл могли происходить из одного социального круга. На этом основании можно поставить вопрос о том, насколько для понимания «аграрной проблемы» важны процессы постепенного экономического расслоения, происходившие в сельской среде. Дальнейшая разработка предлагаемого в статье подхода может помочь в решении противоречия между литературной традицией и археологическими данными.

Список литературы и источников

Аграрный закон 111 г. до н. э. Начало / Предисл., лат. текст, критический аппарат О. Сакки; рус. пер. и примеч. Т. Г. Мякина // Древнее право. 2006а. № 1 (17). С. 224–273.

Аграрный закон 111 г. до н. э. Окончание / Лат. текст, критический аппарат О. Сакки; рус. пер. и примеч. Т. Г. Мякина // Древнее право. 2006б. № 2 (18). С. 242–275.

Кофанов Л. Л. Государственные контракты в римском республиканском публичном праве // Древнее право. 2006. № 2 (18). С. 44–72.

Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье. II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1973. 256 с.

Мякин Т. Г. Судебный закон Гая Семпрония Гракха: текст и комментарий. Новосибирск, 2006. С. 55–80.

Сергеенко М. Е., Протасова С. И. Комментарий // Катон М. П. Земледелие. М., 1950. С. 124–215.

Штаерман Е. М. Римская собственность на землю // Вестник древней истории. 1974. № 3. С. 34–68.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum / Ed. by Th. Mommsen. Berolini, 1977. Vol. 5. Pars 2. 1418 p.

Gaultieri M. Lucanian Landscapes in the Age of ‘Romanization’ (Third to First Centu-

ries BC): Two Case Studies // People, Land, and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy 300 BC – AD 14. Mnemosyne. Supplements. Leiden, 2008. Vol. 303. P. 387–413.

Frideriksen M. W. The Contribution of Archaeology to the Agrarian Problem in the Gracchan Period // Dialoghi di archeologia. Rivista quadrimestrale d. da R. B. Bandinelli. Anno IV–V. № 2–3. Milano, 1971. P. 331–357.

Kron J. G. The Much Maligned Peasant. Comparative Perspectives on the Productivity of the Small Farmer in Classical Antiquity // People, Land, and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy 300 BC – AD 14. Mnemosyne. Supplements. Leiden, 2008. Vol. 303. P. 71–119.

Ligt L. de. Poverty and Demography: the Case of the Gracchan Land Reforms // Mnemosyne. Leiden, 2004. Vol. 57. Fasc. 6. P. 725–757.

Lo Cascio E. Roman Census Figures and Property Qualification // People, Land, and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy 300 BC – AD 14. Mnemosyne. Supplements. Leiden, 2008. Vol. 303. P. 239–256.

M. Porci Catonis de Agri Cultura Liber / Ed. by G. Goetz. Lipsiae, 1922. 76 p.

M. Terrenti Varronis Rerum Rusticarum Libri Tres / Ed. by H. Keil. Lipsiae, 1889. 173 p.

M. Tullii Ciceronis de Officiis Libri Tres / apud. C. Heusingero. Brunsvigae, 1838. 528 p.

M. Tullii Ciceronis Orationes Tres de Lege Agraria / apud. F. Duemmlerum. Berolini, 1861. 220 p.

M. Tullii Ciceronis pro Sexto Roscio Amerino Oratio / Ed. by G. Büchner. Lipsiae, 1835. 346 p.

Rathbone D. Poor Peasants and Silent Sherds // People, Land, and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy 300 BC – AD 14. Mnemosyne. Supplements. Leiden, 2008. Vol. 303. P. 305–332.

Roselaar S. T. Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 369–89 BC. Oxford, 2010. 360 p.

Sereni E. Comunità rurali nell'Italia antica. Roma, 1955. 646 p.

Scheidel W. Roman Population Size: the Logic of the Debate // People, Land, and Politics. Demographic Developments and the

Transformation of Roman Italy 300 BC – AD 14. Mnemosyne. Supplements. Leiden, 2008. Vol. 303. P. 18–70.

Witcher R. Regional Field Survey and the Demography of Roman Italy // People, Land, and Politics. Demographic Developments and

the Transformation of Roman Italy 300 BC – AD 14. Mnemosyne. Supplements. Leiden, 2008. Vol. 303. P. 274–281.

Материал поступил в редколлегию 19.04.2013

A. V. Tamozhnikov

**THE SOCIAL ORIGIN OF THE OWNERS OF ITALIAN VILLAS
IN THE LIGHT OF THE AGRARIAN PROBLEM OF 2ND CENTURY BC**

The article suggests a new approach to the agrarian problem in Italy of II C. BC. The issues of farming competence and skills of owners of slaveholding villas are considered, the forms and modes of interactions with small farmers are described. Also the article examines the participation of owners of villas in the life and the activity of a rural community and the notions in the prosperous Italian circles about the agricultural labour.

Keywords: slaveholding villa, agrarian problem, rural Italian community, the ruin of small farmers.